

С. П. ТОЛСТОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Социологизаторы-схематики «школы» Покровского в период своего влияния на историческом фронте свысока третировали богатые культурные традиции народов нашей родины. Развернувшаяся после исторических указаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова борьба за подлинную историческую науку нашла, в частности, свое выражение в той большой победе советских историков, которой является выход в свет «Краткого курса истории СССР».

Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на учебник по истории СССР отмечает как крупное достижение авторов учебника тот факт, что их учебники «перестали быть историей одного только великорусского народа, однако же задача—ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, поработанные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой социалистической революцией, не решена ни одним из авторов учебников»¹.

Работа над решением этой задачи становится почетным и ответственным заданием для всего нашего исторического фронта.

В этой работе должны по-новому зазвучать вопросы древней истории нашей родины. Если понятие древней истории СССР в рамках исторических построений «школы» Покровского было либо просто пустым звуком, либо приурочивалось к истории Киевского государства, хронологически лежащего в границах средневековья, то сейчас это понятие наполняется новым, исключительно богатым содержанием.

Пора серьезно задуматься над тем, что древняя история СССР должна занять несравненно большее место в практике нашего преподавания, в нашей исторической—научной и популярной—литературе.

Наш народ должен знать имена великих деятелей истории античной Греции и Рима, должен воспринять все лучшее, что дала нам культура классической древности, но отнюдь не меньше внимания должно быть нами уделено истокам культуры нашей родины, историческим традициям народов той шестой части земной суши, над которой развевается знамя социализма.

В создаваемой сейчас общими усилиями коллектива советских исследователей пятитомной древней истории СССР история Среднеазиатских республик должна занять одно из почетных мест.

¹ Сб. «К изучению истории», Партиздат, 1937, стр. 37.

Двенадцать лет назад, в исторические дни национального размежевания Средней Азии, его великий инициатор товарищ Сталин в своем приветствии парторганизации вновь образованной Таджикской республики писал:

«Таджики имеют богатую историю; их организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны. Работники Таджикистана, подымайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплывайте вокруг себя всех лучших сынов своей родины и покажите всему Востоку, что вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко держащими в своих руках знамя освобождения». (Цитируется по тексту приветственной телеграммы в экспозиции Музея народов СССР.)

Эти слова великого вождя народов показывают нам всю важность изучения богатой истории как таджикского народа, так и народов других братских республик Средней Азии, богатой истории одной из древнейших культурных областей нашей родины.

Древняя история народов Средней Азии, несмотря на недостаточность наших сведений (в значительной мере объясняемую великодержавническим презрением буржуазной науки к истории бывших колониальных народов), исключительно красочна и богата яркими событиями. Ряд имен, который сохранила нам история, достоин того, чтобы их знал каждый советский человек. История Средней Азии содержит немало фактов героической борьбы с иноземными захватчиками; эти факты и до сих пор не мешают помнить фашистским любителям чужих земель. Культура древней Средней Азии, с каждым днем все больше раскрывающаяся под лопатами советских археологов, заслуживает того, чтобы занять одно из выдающихся мест среди культур древнего мира.

Та огромная роль в культурной истории средневекового Востока, которую сыграли народы нашей Средней Азии, давшие миру таких людей, как великий бухарец Авиценна, математик—хорезмиец Мухаммед ибн-Муса ал-Хорезми, имя которого в исковерканной на греческий лад форме звучит до сих пор в слове «логарифм», философ ал-Фараби, астрономы Ахмед-ал-Фергани, уроженец Хорезма ал-Бируни и многие другие, может быть понята до конца лишь в свете богатейшего культурного наследства, полученного народами средневековой Средней Азии от их близких и отдаленных предков.

II

Нельзя сказать, что древняя история Средней Азии была обижена вниманием европейской историографии XIX—XX вв. Можно назвать целую плеяду авторов, русских и иностранных, сделавших немало для выявления источников древней истории Средней Азии, для разработки вопросов хронологии, исторической этнографии и географии стран, лежащих между Каспийском морем и Китаем, Памиром и степями Казахстана. Нельзя не отметить заслуг Дегиня, Абеля Ремюза, Иакинфа Бичурина, позднее—Жюльена, Шаванна, Пельо и др., введших в научный оборот огромные материалы китайских источников для истории Средней Азии. Нельзя не подчеркнуть значение работ Риттера, Томашека, Маркварта, Захау, Лерха, Друэна, сделавших очень много для разработки вопросов хронологии и исторической географии. Многочисленные археологические экспедиции

последних десятилетий в смежную со Средней Азией китайскую провинцию Синь-цзян, из которых нужно отметить большие работы английской экспедиции Аурель Стейна, французской—Пельо, русской—Ольденбурга, немецкой—Лекока и др., дали обширные материалы, проливающие свет на целый ряд исключительно важных вопросов древней истории нашей Средней Азии. Эти экспедиции дали такие результаты, как открытие древне-согдийской письменности и обнаружение ряда документов на языке Согдианы, наиболее ранние из которых восходят ко II в. н. э., установление факта широкой колонизационной деятельности согдийцев—выходцев из долины Зеравшана—в Восточном Туркестане, вплоть до Китайской стены и т. д.

Однако в центре научно-исследовательских интересов подавляющего большинства представителей буржуазной историографии стояли прежде всего вопросы этнических взаимоотношений древних народов Средней Азии, и сам интерес к ней определялся господством в XIX в. гипотезы о среднеазиатской прародине индоевропейцев. Успех гипотезы Латама о европейском центре возникновения индоевропейских языков перевел интерес к древней Средней Азии в другую плоскость. Из «прародины» индоевропейцев она превратилась в их крайний восточный «форпост», и не случайно поэтому с конца XIX в. взоры большинства европейских исследователей устремляются не на бассейн Окса и Яксарта, а на Китайский Туркестан.

Этим определяется тот факт, что, несмотря на наличие обширной литературы по древней истории Средней Азии, эта древняя история до сих пор, по существу, не создана.

Нельзя не выразить большого сожаления, что для автора, которому наука обязана подлинным открытием средневековой истории Средней Азии,—В. В. Бартольда,—вопросы древней, домусульманской истории этой страны составляли периферию его научных интересов. Правда, Бартольду принадлежат многочисленные экскурсы в область доарабской истории Средней Азии в его основных трудах (в капитальном «Туркестане», «Очерках культурной жизни Туркестана», «Истории орошения Туркестана», «Сведениях об Аму-Дарье и Аральском море» и, наконец, в «Истории изучения Востока в Европе и России»). Домусульманскому периоду посвящен также ряд специальных его работ, начиная с ранних этюдов—«О христианстве в Туркестане в домонгольский период»² и «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии»³—и кончая работами последних лет его жизни—«Восточно-иранский вопрос»⁴ и «К вопросу о языках согдийском и тохарском»⁵.

Мимо этих работ не вправе пройти ни один исследователь древней истории Средней Азии, но это все же только экскурсы и этюды, не идущие ни в какое сравнение с монументальными исследованиями В. В. Бартольда по вопросам среднеазиатского средневековья.

Вопросы социально-экономической и политической истории древних народов Средней Азии оставались, за редкими исключениями, вне поля внимания исследователей. Сколько-нибудь серьезной археологической работы, которая, несомненно, является в настоящее время важнейшим источником новых материалов, по существу, не велось.

² «Записки Вост. отдела Русск. Археологического общества», VIII, 1893.

³ «Среднеазиатский вестник», июль 1896.

⁴ «Известия РАИМК» т. II, П., 1922.

⁵ Сб. «Иран», т. I, Л., 1927.

Американская экспедиция Пумпелли, открывшая в 1903—1904 гг. в Анау, близ Ашхабада, памятники земледельческой культуры энеолита и бронзового века, датированные сперва Пумпелли IX тысячелетием до н. э., а затем, на основе более трезвых расчетов, отнесенные большинством исследователей к IV—III тысячелетиям, является единственным крупным археологическим предприятием на территории нашей Средней Азии до Октябрьской революции. Наши сведения об археологии Средней Азии (если не считать работ по изучению памятников средневековой мусульманской религиозной архитектуры) исчерпывались случайными находками и кустарными раскопками отдельных любителей древности.

Великая Октябрьская социалистическая революция определила коренной перелом в работе по изучению отдаленного прошлого народов Средней Азии.

Всякого, кому знакома Средняя Азия недавнего прошлого, не могут не поразить гигантские перемены, происшедшие на протяжении двух десятилетий, из которых почти половина была занята тяжелой борьбой с вооруженными бандами контрреволюции, басмаческими шайками, наймитами империализма, заливавшими кровью молодые республики, трудящиеся которых строили социализм, держа наготове винтовку. Вопреки подлым ухищрениям наймитов империалистических разведок, Ходжаевых, Икрамовых и им подобных, народы Средней Азии, при неизменной помощи русского пролетариата, добились огромных успехов. Место отсталой колонии далеко не передовой царской империи, место живых осколков средневековья—Бухарского и Хивинского ханств,—волею трудящихся масс, победивших под руководством пролетариата и его авангарда—партии Ленина—Сталина, заняли цветущие братские республики Советского Востока—Узбекистан с Каракалпакской АССР, Туркмения, Таджикистан с Горно-Бадахшанской АО, Киргизия. Место полуфеодальных порядков занял колхозный строй. Десятки тысяч пролетариев—узбеков, туркмен, таджиков, киргизов—работают на созданных Октябрем предприятиях тяжелой и легкой индустрии. Место старозаветных мектебов и колонизаторских русско-туземных школ заняла самая передовая в мире советская школа.

Расцвет во всех областях хозяйства и культуры выразился в большом размахе научной работы. Помимо огромной работы, проведенной центральными учреждениями Москвы и Ленинграда (работы Института востоковедения и Института истории Академии наук над публикацией архивных фондов по новой и средней истории Средней Азии, археологические экспедиции Академии наук, Академии истории материальной культуры и ее московского отделения, Государственного Эрмитажа, Музея восточных культур и других учреждений, этнографические экспедиции музеев Москвы и Ленинграда и т. д.), на местах развернулась широкая сеть исследовательских и музейных учреждений, за короткое время сумевших добиться исключительно богатых результатов. Достаточно отметить разнообразные археологические исследования Узбекстанского комитета по охране памятников старины и искусства, охватившие большую часть территории Узбекистана, весьма плодотворные работы Института туркменской культуры (ныне Институт истории Туркменской ССР), работы Таджикского филиала Академии наук, особенно раскопки согдийского замка на горе Муг, давшие результаты мирового значения, работы музеев Ташкента, Ашхабада, Сталинабада, Ленинабада, Фрунзе и других городов Средней Азии, чтобы составить себе представление о грандиозности мас-

штаба развернувшихся в Средней Азии после Октября исторических исследований.

Однако мы ни в какой мере не можем удовлетвориться уже достигнутым. Находки последних лет сигнализируют нам о том, что в песках пустынь Средней Азии, на загложших много столетий назад оросительных системах стоят почти нетронутые временем развалины городов, лежат в развалинах целые области, о которых ничего или почти ничего не знает наука. Почва Средней Азии обещает нам множество богатейших открытий, которые, несомненно, поставят Среднюю Азию—один из древнейших культурных районов Старого света—в один ряд со странами, история которых до сих пор составляет основное содержание истории древнего Востока—Месопотамией, Египтом, Сирией, Малой Азией;

III

В Бегистунской надписи Дария, сына Гистаспа (521—468 гг. до н. э.), мы впервые читаем имена народов и стран древней Средней Азии. Среди областей, подчиненных «царю стран», мы находим имена Маргианы, Хорезма, Бактрии и Согдианы.

Время, предшествующее включению этих областей в состав колоссальной древнеперсидской державы, раскинувшейся от Египта и Малой Азии до Памира, освещено историческими источниками крайне слабо. Но то, что мы знаем, позволяет заключить о сложной и богатой истории среднеазиатских стран до того, как над ними стали господствовать цари династии Ахеменидов, и о том большом культурном вкладе, который народы Средней Азии внесли в сокровищницу древней иранской культуры.

Открытая экспедицией Пумпелли в 1903—1904 гг. культура Анау осталась вплоть до Октябрьской революции единственным памятником первобытной истории Средней Азии, освещающим, притом далеко не полным светом, лишь сравнительно небольшой отрезок истории сравнительно позднего этапа доклассового общества Средней Азии. Энеолит и бронзовый век одного из районов Южной Туркмении—вот все, что может быть зачислено в актив дореволюционной первобытной археологии Средней Азии.

Истекшее двадцатилетие значительно обогатило наши познания древнейшего периода истории наших Среднеазиатских республик, углубив их хронологически и расширив географически.

За послереволюционные годы были впервые открыты памятники истории Средней Азии, относящиеся к более раннему, чем Анау, периоду и восходящие, возможно, к самым первым этапам неолита. Сюда, прежде всего, относится ряд находок на территории Туркменской ССР стоянок первобытных бродячих охотников, пользовавшихся орудиями микролитического типа, близкими к тем, которые характеризуют в Европе переходную стадию от палеолита к неолиту. Находки таких стоянок были сделаны в ряде пунктов Каракумской пустыни (Кызыл-такыр в Центральном Каракумах, Дуз-Юзи и на побережье Каспия и др.)⁶.

Однако систематическое изучение памятников этого рода до сих пор еще не поставлено, и доанауский период истории Средней Азии попрежнему остается темным.

⁶ А. Марущенко, У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Каракумах. «Туркменоведение», 1931, № 7—9, стр. 71—74.

Несравненно богаче собранные за последние два десятилетия материалы, характеризующие этапы первобытной истории Средней Азии, современные Анау и более поздние. В самой Туркмении к памятникам анауского типа могут быть причислены исследованные советскими археологами Ак-Тепе близ Ашхабада, Намазга-Тепе близ Каахка и ряд других аналогичных местонахождений⁷. Памятники этого типа отмечены также для бассейна реки Зеравшана, для района Термеза и, особенно, для Ферганской долины, где в 1930—1933 гг. были поставлены разведочные работы Государственной Академией истории материальной культуры совместно с среднеазиатскими научными учреждениями⁸.

Эти материалы не только позволяют установить распространение культуры, представленной в различных слоях Анау, на большую часть территории Средней Азии, но и дают возможность внести целый ряд новых моментов в наши сведения о характере этой культуры.

Весьма существенной является установленная исследованиями последних лет закономерность распространения этих памятников в районах предгорий, на местах выхода в равнину небольших речек. Мы можем отсюда сделать ряд существенных выводов о характере древнейшего оросительного земледелия в Средней Азии, предшествовавшего созданию мощных систем искусственного орошения. Бродячее охотничье население раннего неолита, переходя к земледелию, оседало именно в таких местах, где использование для самотечного орошения воды небольших, выходящих из гор речек не требовало создания крупных оросительных каналов, необходимых для использования вод больших среднеазиатских рек. Можно считать в основном установленным, что освоение для земледелия среднего течения, а тем более—низовьев больших рек, представляло следующий этап в развитии ирригационного хозяйства, предпосылкой для которого являлось предгорное оросительное земледелие анауского типа.

Эти исследования установили вместе с тем значительную стойкость анауской культурной традиции.

Здесь надо отметить работы экспедиции Узкомстариса, проводившиеся в 1934 г. в долине реки Чирчика⁹. Исследованные экспедицией «тепе» (холмы, состоящие из напластований культурных остатков, накопленных в течение многих веков, как и знаменитые анауские холмы) дали культуру примитивных земледельцев и скотоводов, которые жили в глинобитных, позднее—возводившихся из сырцового кирпича, постройках, возделывали ячмень и пшеницу и разводили свинью, барана, лошадь и верблюда. Наряду с железными орудиями, обитатели «тепе» оставили еще каменный и костяной инвентарь. Руководитель раскопок датирует эти памятники серединой первого тысячелетия до н. э.¹⁰ Есть основания считать, что они охватывают и более поздний период, вплоть до первых веков нашей эры.

В анауской традиции укрепленных родовых поселений-городищ может получить свое разрешение одна из наиболее существенных проблем древней истории Средней Азии—вопрос о «городах» древнейшей Средней Азии,

⁷ Д. Д. Букенич, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе. «Туркменоведение», 1929, № 5. Ср. его же: «Neues über Anau und Namazga-Tepe», «Eurasia Septentrionalis Antiqua», V, 1930; «История первобытного орошаемого земледелия», «Хлопковое дело», Ашхабад, 1924.

⁸ Сборник «Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.», «Известия ГАИМК», № 110, 1935, стр. 120.

⁹ Г. В. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.

¹⁰ Григорьев, цит. соч., стр. 39.

об исключительной многочисленности которых для эпохи второй половины I тысячелетия до н. э. нам настойчиво сообщают античные (Арриан, Квинт Курций, Помпей Трог) и китайские (Ши-цзи, Цянь Хань-шу) источники.

Всего вероятнее видеть в этих городах укрепленные поселения земледельческих родов, близкие по своему характеру к тому типу поселений оседлых индейцев степной полосы Северной Америки, которые известны под названием п у э б л о¹¹.

Воспоминания о древних укрепленных родовых поселениях Средней Азии и Восточного Ирана мы находим и в Авесте при описании постройки легендарным Йимой (Джемшидом иранского эпоса) укрепленного поселения—«вага»: «И Йима сделал ту ограду длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам, жилищем для людей; длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам, загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиною в хатр; там построил улицы, там построил жилища, дом и столб и окружной вал»¹².

Однако, если пережитки первобытного общественного уклада продолжают сохраняться на протяжении многих веков после того, когда Средняя Азия входит в поле зрения письменных памятников, начиная с первых веков первого тысячелетия до нашей эры мы можем нащупать первые признаки крупного сдвига в общественном укладе народов Средней Азии, постепенно втягивающихся в рабовладельческую систему классического Востока.

Указания—правда, туманные и спорные—некоторых античных историков (Ктесий, Полиен и др.) и различно толкуемые данные нескольких ассирийских документов («черный обелиск» Салманасара, анналы Тиглатпилесера III и др.) позволяют предполагать, что уже в первые века первого тысячелетия до н. э. народы Средней Азии находились в сношениях с Ассирийским царством и, может быть, отдельные ассирийские отряды проникали до границы Средней Азии.

Если вопрос о политических связях среднеазиатских стран с Ассирийской державой остается спорным (в противоположность Томашеку, Дункеру и другим авторам XIX в.¹³ новейшие европейские исследователи, как, например, Прашек, склонны относиться к известиям о походах ассирийцев в Среднюю Азию более чем скептически¹⁴), то экономическая и культурная связь Средней Азии с Ближним Востоком не подлежит сомнению. Одним из важных документов такой связи является нахождение при исследовании египетских памятников еще II тысячелетия до н. э. изделий из ляпис-лазури среднеазиатского происхождения. М. Е. Массон, на основании данных новейших раскопок в Месопотамии и в Мохенджо-Даро в Индии, устанавливает проникновение бадахшанского лазурита в ту и другую сторону еще в III тысячелетии до н. э. (см. его «Из истории горной промышленности Таджикистана», Л., 1934, стр. 16).

У Ктесия есть указания, что племена бактрийцев вместе с среднеазиатскими кочевниками-скифами принимали участие в борьбе племен Западного Ирана, положивших основу Мидийскому государству, против Ассирии.

¹¹ См. Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 89 сл.

¹² Вендидад, II, 97 сл.

¹³ M. D u n k e r, Geschichte der Arier in der Alten Zeit, 1867, S. 476. W. T o m a s c h e k, Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, Wien, 1877, S. 4.

¹⁴ P r a š e k, Geschichte der Meder und Perser, I, Gotha, 1906, S. 53.

Есть все основания предполагать, что в тех грандиозных событиях, которые потрясли могущественные державы Востока—Халдское царство и Ассирию—в VII в. до н. э., когда отряды неведомых варваров—киммерийцев и скифов—обрушились на их границы, когда пророки Палестины со страхом и надеждой прислушивались к грому конных полчищ «сынов Тогармы» и египетские фараоны были вынуждены покупать у скифов неприкосновенность своих границ,—среднеазиатские кочевые племена играли далеко не последнюю роль.

Нельзя не отметить того места, которое отводит Средней Азии священная книга древнего Ирана Авеста и иранский эпос, дошедший до нас частью в передаче античных авторов, частью в бессмертном творении Фирдауси. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что вряд ли можно признать убедительными доводы новейших зарубежных авторов, с настойчивостью стремящихся принизить роль Восточного Ирана и Средней Азии в формировании великой Персидской державы Ахеменидов. Никак нельзя считать опровергнутым мнение, господствовавшее в науке XIX в.¹⁵, что именно древняя Бактрия была древнейшим центром иранской культуры, что здесь, раньше, чем в Иране, возникла государственность и именно здесь лежит родина и религии Авесты и древнеиранского эпоса. Во всяком случае, географической ареной, на которой действуют герои и Авесты и древнейших разделов Шах-намэ, является «страна, где управляют и предводительствуют многочисленными войсками мужественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где полноводны глубокие озера, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны к Искате (имя, несомненно, родственное греческому Σχίβαλ и, может быть, находящееся в связи с «горами Аскатанка», помещаемыми Птолемеем на с.-в. Средней Азии), к Моуру (Мерв), Харева (Герат), Гау (местность в Согдиане), Сугда (Согдиана), Каиризао (Хорезм)»¹⁶.

Тенденция новейших, по преимуществу немецких, авторов к перенесению на запад истоков иранской культуры и гиперкритика в отношении многочисленных указаний источников на древность и значение политических образований Средней Азии и Восточного Ирана связаны с общей исторической концепцией фашиствующих ученых. Мы видим здесь пресловутый «северный» миф, стремление во что бы то ни стало привести «арийцев» и «арийскую культуру» в Азию из Европы, с северо-запада на юго-восток, а с этим не вяжется существование на далеком Востоке древних политических центров у народов, несомненно, говоривших на языках индоевропейской системы тогда, когда в самой Европе, за очень незначительными исключениями, об индоевропейцах можно говорить лишь в весьма условном смысле.

Во всяком случае, упорная традиция Авесты, иранского эпоса, исторических преданий, передаваемых античными и армянскими авторами, о существовании в Бактрии, т. е. в Южном Таджикистане и Северном Афганистане, в доахеменидский период достаточно мощного политического центра, ведшего войны с Ассирией и сыгравшего крупную роль в формировании государства Ахеменидов, не может быть столь легко сброшена со счетов.

¹⁵ См. T o m a s c h e k, *Centralasiatische Studien I, Sogdiana*, Wien, 1877, S. 5 ff. Е г о ж е, *Baktrianoi* у Pauly-Wissowa, II, S. 2806. Также W. G e i g e r, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882, и др.

¹⁶ Я ш т, X, 14.

Подчинение Бактрии, Согдианы, Маргианы и Хорезма власти династии Ахеменидов, происходящей из Юго-западного Ирана, открывает новый этап политической истории среднеазиатских стран. По той особой роли, которую в дальнейшем Бактрия играла в ахеменидской Персии, выступая в качестве крупнейшего религиозного и политического центра, наместниками которого неизменно бывали ближайшие родственники ахеменидских царей, можно предположить, что Бактрия присоединилась к Ирану в качестве, если не равноправного, то привилегированного, по сравнению с другими, союзника. Что же касается остальных районов Средней Азии, то власть персов в них или не установилась совсем или была крайне непрочной. Основатель персидского могущества Кир погиб в войне против кочевников нынешней Туркмении—массагетов. Женщина—вождь массагетских племен Томирис, по переданному Геродотом (1, 205) преданию, перед боем с Киrom обещала полностью насытить его жажду крови— и выполнила это обещание, бросив отрубленную голову «царя царей» в наполненный кровью мешок.

В период кризиса персидской державы в 523—522 гг. восстала ранее подчиненная персам Маргиана—район нынешнего Мерва. Попытка Дария подчинить среднеазиатских скифов была столь же неудачна, как его попытка покорить скифов Северного Причерноморья. Свободолюбивые кочевники степей нашей родины сумели и тут и там дать персидским захватчикам суровый отпор, и в степях Средней Азии Дария едва не постигла участь Кира¹⁷.

Если в V в. Хорезм признавал верховную власть «царя царей», и хорезмийские солдаты служили в персидских гарнизонах Египта¹⁸, то в IV в. мы видим в Хорезме самостоятельное государство, возглавляемое независимыми царями, ведущими переговоры с македонским завоевателем¹⁹.

Войска Александра Македонского, вторгнувшись в 329 г. на территорию Средней Азии, встретили решительное сопротивление со стороны населения Согдианы, горцев Верхней Аму-Дарьи и кочевников—скифов и массагетов. Весьма показательным, что в то время как для разгрома огромной персидской монархии Александру понадобилось пять лет и три генеральных сражения, завоевание сравнительно небольшой территории Согдианы отняло у него целых три года. Здесь с боя пришлось брать каждую деревню; немедленно после ухода главных сил Александра только что подчиненное население поднималось вновь. Не раз македонские отряды терпели жестокие поражения. Вождь борьбы за независимость, согдиец Спитамен, одна из наиболее героических фигур древней истории нашей родины, оказывался неуловимым для македонян. Разбитый в культурной полосе, он уходил в пустыню и вновь возвращался во главе скифских и массагетских отрядов, к которым немедленно присоединялось оседлое население. Только мерами жесточайшего террора, стерши с лица земли десятки городов и деревень, истребив, по данным Диодора Сицилийского, до ста двадцати тысяч согдийцев, обратив в рабство тысячи людей, обезглавив восстание путем изменнического убийства Спитамена и подкупа части бактрийских и согдийских вождей, Александр добился относительного закрепления своей власти в Согдиане.

¹⁷ Полиен, Стратегемы, VII, гл. XI, 6, 8.

¹⁸ E. d. Meyer. *Der Papyrus fund von Elefantine*. Leipzig, 1912, S. 28. Цит. по В. В. Бартольд, Восточно-иранский вопрос, стр. 365.

¹⁹ Арриан, IV, 15; Курций, VIII, 1.

После смерти Александра (323 г.) и длительных усобиц между македонскими полководцами Средняя Азия вошла в состав обширной азиатской монархии Селевкидов.

Восстания населения Средней Азии, повидимому, почти не прекращались. Во всяком случае, до нас дошли сведения о разрушении «варварами» построенного македонянами в бассейне реки Мургаба (нынешний Мервский оазис) города Александрии Маргианской.

Около 250 г. до н. э. разражаются одновременно два восстания против Селевкидов. Одно, в западной части Средней Азии, в нынешней Туркмении, в бассейне реки Теджена, охватило племена парнов и даев и привело к образованию независимого от македонских завоевателей Парфянского царства. Центр Парфии впоследствии был перенесен в Ктесифон, но развалины одной из ее столиц, г. Нессы, и до сих пор сохранились к западу от Ашхабада и с 1934 г. изучаются туркменистанскими археологами.

Доклад научного руководителя раскопок тов. Марущенко, сделанный на III Международном конгрессе иранского искусства и археологии, вызвал исключительный интерес присутствовавших на конгрессе ученых различных стран.

Другое восстание в Средней Азии против Селевкидов носило иной характер. Это был переворот, возглавленный наместником Бактрии, греком Диодотом, который провозгласил себя независимым от Селевкидов царем Бактрианы и положил основание так называемому Греко-Бактрийскому царству. Здесь, в противоположность Парфии, у власти осталась незначительная кучка потомков македонских завоевателей, сумевшая удержать власть над Бактрией и Согдианой еще примерно в течение столетия.

В 140 г. до н. э., однако, и этот последний центр господства греко-македонской военщины в Средней Азии испытал судьбы Парфии. Уже для первой половины II в. до н. э. до нас дошло свидетельство Помпея Трога о восстании согдийцев против ведущих непрерывные династические войны греко-бактрийских правителей²⁰, а около 140 г. в борьбу включаются массагетско-скифские племена, которых китайские источники называют юе-чжи.

В результате бактрийские греки оказываются отброшенными за Гиндукуш, в их североиндийские владения, где им удается продержаться еще около 100 лет. Восточная же часть Средней Азии, вместе с территорией Восточного Афганистана, входит в состав независимого туземного государства, возглавленного царями из юе-чжийского рода кушанов, объединившими первоначально разрозненные скифско-юе-чжийские государства, сложившиеся на развалинах Греко-Бактрии. К началу нашего летоисчисления юе-чжийским царям удается подчинить себе и значительную часть территории Северной Индии (Индо-скифское, или Кушанское, царство).

К этой же эпохе относится появление на востоке Средней Азии новых завоевателей в лице окрепшей и вступившей на путь территориальных захватов в «Западном крае» Китайской империи.

В 126 г. до н. э. Среднюю Азию посетил первый китайский путешественник Чжан-цзянь, прибывший в качестве посла императора У-ди к юе-чжи и оставивший краткое, но исключительно содержательное описание государств Средней Азии²¹. В частности, в нем содержится характеристика могущественного государства Канцзюй (или Кангюй) на Сыр-Дарье, о

²⁰ Justinus, Trogi Pompei Historiarum Philippicarum Epitoma, XLI, 6.

²¹ Ши-цзи, цзюань 123. Цзянь Хань-шу, цзюань 61.

котором ничего не говорят другие источники, если не считать отдельных упоминаний его имени (Kangha) в Авесте.

В 104—101 гг. по следам Чжан-цзяна китайские войска появляются на границах Средней Азии и вторгаются в Ферганскую долину (Давань древнекитайских хроник).

Первый поход оказался совершенно неудачным. Китайская армия вернулась с большими потерями, растратив силы на безуспешную осаду укрепленных поселений, и, по словам китайской хроники, «из целой армии осталось не более двух из десяти человек». Во второй поход была двинута после длительной подготовки огромная армия в 60 000 человек, причем она добилась более чем сомнительного успеха, удовольствовавшись выдачей ферганцами табуна превосходных «небесных лошадей».

«При всем том,—меланхолично заключает свое повествование об этой бесславной для восточных завоевателей войне китайский хронист,—китайцы не могли вступить в город и пошли в обратный путь».

Если китайцам удалось подчинить себе близкий Средней Азии по культуре Восточный Туркестан, то их попытки превратить государства Средней Азии в вассалов «Срединного государства», не прекращавшиеся до VIII в. н. э., вели, самое большее, к незначительным и весьма кратковременным успехам, выражавшимся в номинальном признании теми или иными правителями мелких среднеазиатских княжеств суверенитета Китая.

Период вхождения Средней Азии в систему могущественного Кушанского царства является наиболее блестящим периодом истории древней Средней Азии. Именно к этому периоду относится возникновение лучших образцов так называемого греко-бактрийского искусства. К этому периоду относится и недавно найденный в Аму-Дарье близ Термеза великолепный фриз с горельефным изображением музыкантов²².

Район Термеза, содержащий богатые памятники как «греко-буддийской» культуры, расцветшей под гегемонией кушанских царей, так и более поздних периодов, сделался объектом начатых в 1925 г. и исключительно широко поставленных систематических археологических работ, в которые активно включились научные учреждения Узбекистана, Москвы и Ленинграда и богатые результаты которых подготавливаются в настоящее время Узкомстарисом (Узбекистанским комитетом по изучению и охране памятников старины и искусства) к опубликованию²³.

Подлинный синтез греческой культуры с культурой туземной осуществился тогда, когда была сброшена власть ничтожной кучки греко-македонской военщины, в течение века господствовавшей над долинами юго-востока Средней Азии. Парфянское царство к западу от Аму-Дарьи и Кушанское к востоку, оба явившиеся результатом борьбы среднеазиатских народов против иноземного гнета и объединившие в крупные политические организмы разрозненные племена и города Средней Азии и сопредельных областей Востока, характеризуются богатым расцветом ремесел и торговли. Именно в этот период согдийцы проникают до Китайской стены, согдийские колонии возникают далеко на Востоке, в Восточном Турке-

²² М. Е. М а с с о н, «Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.», Ташкент, 1933.

²³ О раскопках см. Б. П. Д е н и к е, Экспедиция Музея восточных культур в Термез. «Культура Востока», т. I, М., 1927; Д е н и к е, Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 г. «Культура Востока» М., 1928; М. Е. М а с с о н, Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935). «Соц. наука и техника», № 11. Ташкент, 1936 и др.

стане, Монголии, согдийские купцы живут в городах Китая. Именно к этому периоду относится возникновение древнейших памятников согдийской письменности²⁴. Парфия и Кушанское царство являются важнейшими звеньями в экономических связях между Китаем и Римской империей. Средоточием этих связей становится Мерв—древняя Антиохия Маргианская.

Мало еще оценен тот большой вклад, которым культура древнего Китая обязана народам Средней Азии. В области сельского хозяйства китайцы заимствовали из Ферганы культуру винограда и люцерны. В области промышленности Китай получил от народов Средней Азии искусство изготовления стеклянных изделий.

Из Индии в Среднюю Азию проникает буддийская религия, принятая кушанскими царями, наиболее выдающийся из которых Канишка (конец I и начало II в. н. э.) сыграл крупную роль в разработке догматики северного буддизма в качестве организатора четвертого буддийского церковного собора. Через Среднюю Азию лежал один из главных путей проникновения буддизма из Индии в дальневосточные культурные страны.

Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший государство древнего Китая, не миновал и Средней Азии. В V в. Кушанское царство падает под ударами варварских племен, выступающих здесь под тем же именем, что и в IV в. в Китае и в IV—V вв. в Европе—под именем гуннов. «Белые гунны», или эфталиты, завоевавшие Среднюю Азию, повидимому, явились объединением близко родственных основателям Кушанского царства массагетских племен, той части их, которая осталась в стороне от первого завоевания и сохранила древний родо-племенной уклад. Основанное эфталитами государство просуществовало, однако, не долго. В середине VI в. оно вошло в состав нового, несравненно более обширного политического объединения кочевых племен и городов-оазисов, охватившего территорию от Аму-Дарьи до Китайской стены и от Южного Алтая—до Памира.

Это государство, выступающее в истории под именем тюркского каганата (правители его носили, как впоследствии хазарские цари, титул каганов), в период своей наибольшей экспансии посылало войска даже на территорию Восточной Европы.

Хазарское государство, сыгравшее столь значительную роль в истории Восточной Европы, первоначально (до конца VI в.) находилось в политической связи с каганатом древних тюрков и, вероятно, в известной зависимости от него. Государственное устройство тюркского каганата оказало крупное влияние на политический строй Хазарии.

В период своего расцвета каганат ведет дипломатические сношения одновременно с Китаем и с Византией, его послы посещают Константинополь и заключают союз с греческим императором против общего врага—сасанидского Ирана. Небезынтересно будет при этом отметить, что первым послом тюрков в Византию (в 567 г.) был согдиец Маниах и поводом к заключению союза тюрков с греками были препятствия, чинимые иранским правительством согдийской торговле на Ближнем Востоке²⁵.

²⁴ См. Н. Reichelt, Die Sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, II, Heidelberg, 1931; О. Розенберг, О согдийцах. «Записки коллегии востоковедов», I, 1925, стр. 81 сл. Его же, Согдийские старые письма, ИОН, 1932, № 5, стр. 445 сл.; R. Gauthiot, Essai de Grammaire sogdienne, I, Paris, 1914—1923, p. IV sq.

²⁵ Cp. E. d. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, SPB. 1903, p. 234 sq.

IV

С древнейших времен основанное на искусственном орошении земледельческое хозяйство оазисов Средней Азии существовало бок-о-бок с кочевым скотоводческим хозяйством населения окружающих эти оазисы степей и пустынь. Древнее разделение труда между скотоводами и земледельцами накладывает свой отпечаток на всю историю среднеазиатских народов. Центрами оживленного обмена между теми и другими рано становятся многочисленные среднеазиатские города.

Как мы уже отметили выше, Средняя Азия с самых первых шагов своей истории может быть охарактеризована, как страна исключительно развитой городской жизни. Мараканда (позднейший—Самарканд) уже во времена Александра была городом, имевшим, вероятно, по преувеличенным сведениям греческих авторов, около 11 километров в окружности. Помпей Трог называет первого греко-бактрийского царя Диодота «правителем тысячи бактрийских городов» (*mille urbium bactrianarum praefectus*)²⁶. Чжан-цзянь, рассказывая о Фергане, говорит о «семидесяти с лишком больших и малых городах»²⁷.

Если основная масса «тысяч» среднеазиатских городов представляла собой, по всей вероятности, лишь укрепленные поселения родовых земледельческих общин, то, вместе с тем, такие города, как Мараканда, Бактры и др., упоминаемые историками походов Александра, являются, несомненно, в эту эпоху уже городами в подлинном смысле, имеющими внутри городских стен цитадели и рынки, как Кирополис на Яксарте, осаду которого Александром подробно описывает Арриан²⁸.

Древний среднеазиатский город, основные черты общественного строя которого начали складываться еще во времена Александра и который достиг своего расцвета к периоду арабского завоевания, был мало похож на позднейшие средневековые города. На обширной площади внутри кольца городских укреплений, пересеченной многочисленными каналами, были разбросаны укрепленные усадьбы, окруженные садами и пашнями. Каждая такая усадьба «кед», обнесенная стенами и имеющая башню («кешк»), служащую убежищем в случае нападения и местом хранения запасов продовольствия и, на случай осады, воды,—была местом обитания большой патриархальной семьи, перераставшей у аристократии в рабовладельческую «familia» и включавшей, помимо родственников хозяина, также и клиентов (поступавших под его «покровительство» бедняков) и рабов. Глава семьи—«кедхуда», «господин кеда»—был неограниченным властелином по отношению к членам «кеда», обладая далеко идущими правами над их личностью. Характерно, что одним и тем же термином—«худа»—обозначался глава семьи, царь, бог. Совокупность «кедов» образовывала городскую общину, каждая из которых вместе с примыкавшими к городу сельскими местностями оазиса, нередко окруженного со стороны пустыни кольцом «длинных стен» (своего рода «Китайская стена» в миниатюре), представляла собой самостоятельное государство, возглавлявшееся царем, ограниченным в своей власти советом глав аристократических семей города. Царская власть окружалась религиозным ореолом. Царь был одновременно верховным жрецом и как бы воплощением божества. Своих царей имели не

²⁶ Justinus, XLI, 4, 5.

²⁷ Ш и-цзи, цзюань 123, стр. 3 в: «Ю чен го у ши. Ци шу и да сяо ши-шюй чэн».

²⁸ Арриан, IV, 3.

только значительные города, но нередко и те селения, которые позднейшие авторы называют деревнями (например Вардана в окрестностях Бухары).

Цари отдельных городов-государств выступают под различными местными титулами (ихшиды в Самарканде, афшины в Фергане и Осрушне—области нынешнего Ура-тюбе, бухар-худаты в Бухаре, хорезмшахи в Хорезме). Китайские источники сообщают интересные подробности о пышном придворном быте среднеазиатских городских царств, о золотых, украшенных изображениями животных, престолах среднеазиатских царей, о причудливых царских одеждах, о возглавляемых царями религиозных церемониях и т. д.

Если низший слой общества составляли рабы и находящиеся на положении полурабов клиенты («кедиверы»), то командующее положение занимала аристократия крупных землевладельцев, обрабатывавшая свои поля руками рабов и кедиверов. Представители этой аристократии носили название «дихканов», имя, которое лишь значительно позднее, в средние века, получило свое современное значение—«крестьянин».

Вооруженную силу, на которую опирался правящий класс городов-государств Согдианы, Бактрии, Маргианы и Хорезма, составляли, с одной стороны, привилегированное ополчение аристократической молодежи, выступавшей в бой верхом на конях, и с другой—отряды вооруженных рабов—«чакиров», которыми располагал каждый из представителей аристократии.

Рядом с дихканами стояли богатые купцы, по своему положению мало чем отличавшиеся от них.

Место между рабами и кедиверами, с одной стороны, и дихканами и купцами—с другой, занимал слой лично свободных ремесленников и земледельцев, также живших в своих «кедах» и составлявших основную массу населения, образуя вместе с аристократией противостоящий рабам (bapak) слой «азатов»—свободных граждан города-государства.

Наряду с частной собственностью на землю продолжали существовать сильные элементы общинно-родового уклада, сказывавшиеся как в экономической сфере, так и в области семейных отношений и идеологии. К сожалению, наличный материал не позволяет пока дать полную характеристику сельской общины; больше сведений мы имеем об отражении общинного уклада в семейных отношениях и надстроечных явлениях.

Можно констатировать наличие таких архаических явлений, как мужские дома (biuyut nigān у ал-Бируни) и связанные с ними коллективные трапезы²⁹, и даже пережитки группового брака, сохраняющиеся у рядовых членов сельских общин, нередко принимая свойственную периоду распада группового брака форму полиандрии, в противоположность основанной на полигамии familia аристократии и купечества³⁰. Однако мы можем проследить, что рост имущественной дифференциации вел к сокращению этой прослойки и превращению все большей и большей части свободных производителей, членов большесемейных и сельских общин, в «кедиверов» и рабов аристократии, в руки которой переходила и значительная часть ранее принадлежавших мелким свободным производителям и общинам земельные владения.

Центр города составлял «ках»—дворец городского царя, представлявший, повидимому, увеличенный в размерах «кед», рынок и культовые уч-

²⁹ См. Ал-Бируни, изд. Sachau, 1923, стр. 234—235.

³⁰ См. Negsakhу, стр. 73.

реждения—храмы и монастыри различных религий, получивших к моменту арабского завоевания широкое распространение в Средней Азии. Кроме древнего зороастрийского культа, самый центр возникновения которого, возможно, лежал в Средней Азии, мы встречаемся здесь с проникшим из Индии буддизмом и занесенными из Передней Азии христианством и манихейством. Надо отметить также наличие иудейских общин, особенно в Хорезме³¹. Это, ввиду близкого соседства Хорезма с Хазарией, где иудаизм, как известно, был господствующей религией, представляет интерес для истории культурных взаимоотношений между Средней Азией и Восточной Европой³².

К II в. нашей эры относятся древнейшие дошедшие до нас памятники письменности среднеазиатских народов, написанные особым алфавитом на согдийском языке. Алфавит согдийских документов сложился на основе сирийского арамейского алфавита, что говорит о прочных культурных связях между Средней Азией и Восточным Средиземноморьем.

Вэй-цзе, китайский посол, посетивший Среднюю Азию в начале VII в., пишет, характеризуя жителей среднеазиатских городов: «жители все—искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей».

Это и многочисленные другие свидетельства говорят о высоком развитии торговли и об относительно очень высоком культурном уровне городского населения Средней Азии. Арабские источники эпохи завоевания рассказывают о наличии, в частности, в домусульманском Хорезме обширной местной литературы, в том числе—местных хроник, уничтоженных якобы завоевателем Хорезма—Кутейбой ибн-Муслимом. Это подтверждается наличием в средневековом Хорезме глубоко идущей местной исторической традиции, отраженной в дошедших до нас фрагментах истории Хорезма ал-Бируни.

Работы Хорезмской археологической экспедиции Московского отделения ГАИМК, проводящейся под руководством автора настоящей статьи, дали в 1937 г. новые материалы, позволяющие выяснить характер древнехорезмийской письменности и вместе с тем подвести документальную базу под данные ал-Бируни. Экспедицией в правобережной части Хорезма был собран значительный нумизматический материал III—VIII в. н. э. (до 150 монет и фрагментов). Коллекция почти целиком состоит из меди, причем в ней почти полностью отсутствуют монеты смежных территорий. Это дает право с уверенностью заключить, что эти монеты чеканились именно в Хорезме. Отдельные случайные экземпляры монет этого типа публиковались и ранее, но ввиду неопределенности места их происхождения, не могли быть определены (Ed. Thomas, *Indo-Parthian Coins*. «Numismatic Chronicle», 1870, p. 139 f.; А. К. Марков, *Неизданные арсакидские монеты*, СПб. 1892, стр. 34 сл., ср. рецензию Ed. Drouin в «Revue Numismatique», 1893, p. 129). В коллекции преобладают монеты с изображением безбородой головы

³¹ Ср. К. А. Иностранцев, *О домусульманской культуре Хивинского оазиса*. Ж. М. Н. П., 1911, февраль, стр. 294.

³² Даваемая выше характеристика общественного уклада среднеазиатского города-государства I тысячелетия нашей эры сформулирована и обоснована нами в нашей работе «Тирания Абуля», «Исторические записки», 1938, т. 2 (печатается). Ср. характеристику среднеазиатского города, даваемую В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана», стр. 35 сл.

царя, повернутой вправо, в меняющихся от правителя к правителю сложных головных уборах. На обороте—изображение всадника, повернутое вправо и окруженное надписью, в которую включена тамга правителя. Всего в коллекции представлены монеты не менее чем двадцати правителей. Алфавит надписей, несомненно, арамейского происхождения. Сделанные нами первые опыты дешифровки алфавита обнаруживают связь его, с одной стороны, с пехлевийским алфавитом позднеаршакидских монет, с другой—с алфавитом монет бухар-худатов и древнетюркским руническим письмом. Весьма вероятно, что именно хорезмийское письмо сыграло роль посредствующего звена в переходе от арамейских шрифтов Передней Азии к рунической письменности среднеазиатских кочевников³³.

Памятники древнетюркской рунической письменности, основным районом распространения которых являются Монголия и Минусинский край, известны и на территории Семиречья. В частности, в последние годы был открыт и исследован ряд новых надписей в долине р. Таласа (М. Е. М а с с о н и С. Е. М а л о в, Таласские эпитафические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936).

О высоком уровне хозяйственного и культурного развития свидетельствуют и археологические памятники. Так, результаты раскопок самаркандского городища Афрасиаб, в течение ряда лет осуществлявшихся ветераном среднеазиатской археологии В. Л. Вяткиным,—хотя по своему масштабу эти раскопки лишь в ничтожной мере отвечают исторической значимости этого первоклассного памятника,—все же дают нам яркую картину хозяйства и быта цветущего среднеазиатского города накануне арабского завоевания, великолепные образцы художественной промышленности, керамики, стеклянных изделий и т. д.³⁴

Характеристика общественного уклада населения городов и оазисов Средней Азии накануне ее завоевания арабами, построенная на основании анализа письменных источников, в результате новейших археологических

³³ Первые 5 (считая справа) знаков повторяются на всех без исключения монетах второй группы. Установление места происхождения монет позволило гипотетически предположить, что здесь мы имеем известный титул древнехорезмийских правителей, зафиксированный для эпохи арабского завоевания—«хорезмшах». Действительно, первый знак (см. надпись у М а р к о в а, цит. соч., стр. 34, там же, табл. IV, № 32, 33) оказывается очень близким к X монет бухар-худатов, к Q архонских текстов и X аршакидско-пехлевийских монет. Второй знак—тождествен с R монет бухар-худатов и близок к R орхонского и аршакидско-пехлевийского шрифта. Третий знак, который я читаю, как Z, близок к S аршакидско-пехлевийского, египто-арамейского и других семитических алфавитов и к S² орхонско-енисейских надписей. Четвертый знак близок к M большинства развившихся на арамейской базе алфавитов. Пятый знак—сложный по начертанию—несомненно является лигатурой двух или трех знаков, причем первый из них по начертанию близок к S ряда алфавитов—в том числе—орхонского, в связи с чем я считаю наиболее вероятным видеть здесь лигатуру титула ŠAH или ŠHY. В целом, повторяющаяся часть монетных надписей читается XRZM ŠAH (XRZM ŠHY). Установление чтения 6—7 знаков позволило подойти к чтению остальных, меняющихся частей надписей. На четырех серебряных хорезмийских монетах Исторического музея нами прочтено XRZM ŠAH XRZD, т. е. хорезмшах Хурзад (имя, зафиксированное у Табары). На другой монете я читаю ŠAWŠ, вероятно, имя отмеченного ал-Бируни хорезмшаха Шауша. Чтение носит, естественно, пока сугубо гипотетический характер. Возможно, что пятый знак является лигатурой LK—тогда вместе с четвертым эта часть слова будет читаться MLKA—арамейская идеограмма титула «шах». В таком случае первые знаки надписи должны получить иное истолкование.

³⁴ В. Л. В я т к и н, Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927. Ср. также С. T r e v e r, Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934.

исследований получает новую документальную базу. Археологические работы, проводившиеся в 1937 г. Хорезмской экспедицией Московского отделения ГАИМК, дали ряд памятников, которые позволяют составить достаточно полное представление об общественном быте населения в V—VIII вв. Сотрудником экспедиции А. И. Тереножкиным был открыт целый оазис около 6 километров в длину и 1 километра в ширину, опустевший около VIII в. Развалины крепости Беркут-кала в центре этого оазиса и двух меньших крепостей на его концах, наряду с развалинами нескольких десятков укрепленных усадеб с башнями внутри ограды, возведенными на достигающих четырех метров высоты глинобитных массивных площадках и служившими, как показали рекогносцировочные раскопки некоторых из башен, местом хранения припасов и, на случай осады, воды,—дают богатый материал для характеристики не только жилой архитектуры, но и общественного быта древней Средней Азии.

Повидимому, аналогичный характер носят памятники, открытые в том же 1937 г. экспедицией Узкомстариса в южной части Кызыл-Кумов, на границах Бухарского оазиса³⁵.

Анализ этих материалов позволяет с уверенностью отбросить легенду о «замках феодалов», в качестве которых рисовался некоторым исследователям³⁶ хорошо известный из арабских источников этот тип³⁷ укреплений. Перед нами, несомненно, явление, которое скорее может быть сопоставлено с родовыми башнями Сванетии и других областей Кавказа или аналогичными сооружениями Афганистана. Это—укрепленное жилище земледельческой большесемейной общины, жилище, пережитком которого является существующий до сих пор в том же Хорезме тип крестьянской усадьбы (так называемая «курганча», буквально «крепостца»). Проведенное А. И. Тереножкиным обследование развалин крупных крепостей показывает, что они построены по тому же основному принципу, отличаясь от рядовых усадеб с башнями, главным образом, своими размерами.

Все это позволяет считать с полной несомненностью доказанным дофеодалный характер общественного уклада Средней Азии до арабского завоевания, отсутствие закрепощенного крестьянства. Вместо него налицо слой свободных производителей, живущих большесемейными общинами, из которых выделяется могущественная аристократия рабовладельцев, землевладельцев и купцов—те дихканы древней Средней Азии, которых еще В. В. Бартольд вполне основательно сопоставлял с базилевсами древней Эллады³⁸.

³⁵ Ср. заметку в хронике в газ. «Известия» № 265/6427 от 15/XI 1937 г., стр. 4.

³⁶ Ср. О. Розенберг, Согдийские старые письма. ИОН, 1932, № 5, стр. 451; С. Тревер, Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934, pp. 15—16; А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан. ЗКВ V, 1930, стр. 555. Под давлением показания Макдиси (ВДА III, стр. 288), говорящего о наличии вокруг г. Миздахкана в Хорезме 12 000 «замков», А. Ю. Якубовский вынужден признать, что «это по всей вероятности укрепленные небольшие хуторского типа усадьбы, которые в своих основных чертах дожили до наших дней, как одна из характерных особенностей Хорезма». Это не мешает автору несколькими строками ниже заявить: «Можно с определенностью сказать, что Хорезм в X в. находится на той стадии развития феодального общества, которая включает в себе все признаки разложения» (!). Впрочем, автор в своем выступлении на пленуме ГАИМК в марте 1935 г. вынужден был признать ошибочными развивавшиеся им ранее взгляды на характер общественного строя домусульманской Средней Азии и констатировать дофеодалный характер господствовавших в эту эпоху отношений. К сожалению, А. Ю. Якубовский не расшифровал, что он разумет под «дофеодалным» строем.

³⁷ См. о нем у В. В. Бартольда в «Истории культурной жизни Туркестана», стр. 34 сл.

³⁸ В. В. Бартольд, Несколько слов об арийской культуре, стр. 22.

Сочетание архаических, восходящих к родовому строю элементов общественного строя с резко выраженным классовым расслоением, с пышным расцветом городов, торговли, политической жизни, письменности, сложной религиозной идеологии является одним из наиболее характерных признаков общественного строя дофеодальной Средней Азии, ближе всего напоминающего ранние этапы развития рабовладельческих обществ древнего Востока и доклассического периода истории Греции и Италии³⁹.

Общественный уклад кочевых племен Средней Азии отличался чертами значительно большей примитивности.

Правда, налицо было уже довольно развитое рабство, да и свободное население расслоилось на богатых и бедных, причем последние, как и в городах, как правило, попадали в положение клиентов (тат, угуш) богатых владельцев многочисленных стад.

О резкой классовой дифференциации у кочевников Средней Азии уже до начала н. э. говорят, помимо письменных источников, также и исследованные М. В. Воеводским, М. П. Грязновым и А. И. Тереножкиным курганные могильники Семиречья (бассейны рек Таласа и Чу и озера Иссык-Куля), относящиеся к первым векам до и после начала нашей эры и совершенно справедливо рассматриваемые А. И. Тереножкиным⁴⁰, как памятники упоминаемого китайскими хрониками народа усуней. Эти памятники дают два резко различных между собой типа погребений; в одном из них полностью отсутствуют признаки родового принципа группировки погребений, и покойников не сопровождает оружие; здесь поэтому можно видеть погребения многочисленных посаженных на землю рабов усуньской аристократии.

Наряду с этим сохранились обильные пережитки патриархально-родового уклада, первобытных демократических традиций, накладывавшие свой отпечаток на все стороны общественной и политической жизни кочевых народов и являвшиеся для кочевников источником силы в их столкновениях с более развитыми городами-государствами оазисов. Именно в силу этого, при создании обширных политических объединений Средней Азии, более отсталые кочевые племена, как правило, играли роль объединителей разрозненных городских общин. Возникавшие на этой базе государственные образования долго сохраняли внешние формы архаической конфедерации племен. Поскольку можно проследить, и государство юе-чжи, и эфталтское государство, и тюркский каганат представляли собой господство союза кочевых племен (в государстве юе-чжи, повидимому, пяти, в тюркском каганате—девятнадцати племен) над конгломератом подчиненных ему племен кочевников и городов-государств оазисов. Не входившие в состав союза-гегемона племена и города полностью сохраняли свое политическое устройство и обязаны были лишь уплачивать определенную дань союзу-гегемону⁴¹.

³⁹ Характерно, что близость общественного строя древней Средней Азии к ранней античности не ускользнула, помимо Бартольда, и от других наиболее серьезных представителей буржуазной историографии. Так, по Н. А. R. Gibb'y (*The Arab Conquests in Central Asia*, London, 1923, p. 3) общественно-политический строй домусльманской Средней Азии «strikingly reminiscent of the Hellenic city-states».

⁴⁰ А. И. Тереножкин, Археологические разведки по реке Чу в 1929 г., «Проблемы ИДО» 1935, № 5—6, стр. 140.

⁴¹ Общественному строю кочевников древней Средней Азии (хуннов, тюрков-тюю) посвящен целый ряд вышедших за последние годы работ А. Н. Бернштама. Давая много нового в освещении общественных отношений этих народов, в частности, показывая сложное переплетение в их быту многочисленных пережитков родового строя

Однако более пристальный анализ позволяет охарактеризовать древние среднеазиатские государства как орудие господства блока аристократии кочевых племен и городов над мелкими, независимыми производителями, клиентами и рабами кочевья и оазиса.

Об этом убедительно говорит установленный нами недавно (на основании данных, содержащихся в книге бухарского историка X в. Нершахи и показаний китайских хроник династий Суй и Тан) факт имевшего место в 80-х годах VI в. н. э. демократического движения в Бухарском оазисе, в котором городской плебс и низы тюркских племен выступали совместно против согдийской аристократии и правящей группировки каганата⁴².

Вождь восстания, Абруй, как удалось доказать, был тюрком, сперва возглавившим восстание демократических низов тюркских племен в восточной части каганата, а затем бежавшим на запад и нашедшим опору в бедняках и кедиверах бухарского оазиса.

Дихканы и богатые купцы Бухары были вынуждены эмигрировать на восток и отдаться под покровительство тюркского кагана. Насколько серьезным было это восстание, можно судить по тому, что оно было подавлено войсками каганата лишь с помощью военной интервенции со стороны Китайской империи. Абруй был казнен, а восставшие, как говорит наш источник, «стали слугами и клиентами возвратившихся эмигрантов».

Восстание Абруя явилось предвестником того глубокого социально-политического кризиса, который каганат пережил в следующем VII в., когда его правители вынуждены были купить победу над демократическими движениями признанием верховной власти своего недавнего данника Китая. Лишь в конце VII в. мы видим попытку восстановить каганат вновь. Но в это время на границах Средней Азии появляются новые завоеватели — арабы.

V

История эпохи арабского завоевания Средней Азии обогатилась в последние годы источниками первостепенного значения. Мы имеем в виду произведенные экспедицией Академии наук СССР в 1933 г. раскопки на горе Муг в верховьях Зеравшана (Таджикская ССР)⁴³. Как показало исследование найденных здесь многочисленных документов (81 документ на бумаге, коже и дереве, из них 8 китайских, 1 арабский, 1 на неизвестном языке, остальные согдийские), этот замок являлся последним убежищем Дивастича, титулуемого в документах «согдийским царем, самаркандским господином», в его борьбе против арабских завоевателей в 722 г.⁴⁴

с элементами развитых классовых отношений, А. Н. Бернштам, отдавая дань социологическому схематизму, склонен модернизировать общественный строй тюрков VI—VIII вв., находя в нем элементы феодализма. Наша точка зрения на этот вопрос обоснована нами в работах «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах», «Изв. ГАИМК», вып. 103, 1934, и «Военная демократия и проблема генетической революции» в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8.

⁴² Это движение было объектом нашего рассмотрения в докладе, читанном нами на сессии группы истории Академии наук в июне 1937 г., и в работе, цитированной выше и печатающейся в т. 2 «Исторических записок».

⁴³ См. Согдийский сборник, Л., 1934.

⁴⁴ В историческом этюде А. А. Фреймана, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. II. Дивастич-Тархун («Доклады группы востоковедов». Труды Института востоковедения Академии наук, XVII, М.—Л., 1936,

Блестящий анализ арабского документа, являющегося письмом Дивастича к арабскому наместнику Хорасана ал-Джарраху-ибн-Абдаллаху, данный В. А. и И. Ю. Крачковскими, вскрывает перед нами бурную трагическую эпоху арабского захвата и той героической борьбы, которую вели народы Средней Азии против завоевателей. В. А. и И. Ю. Крачковские справедливо отмечают, что «продвижение арабов в Среднюю Азию шло медленно и с большим напряжением. Здесь они встретились с едва ли не наиболее культурной из всех завоеванных ими стран, подчинение которой требовало немало усилий и совершалось с значительными колебаниями»⁴⁵. От первых набегов арабов в 640—650-х годах до окончательного подчинения Средней Азии завоевателями лежит почти столетний период упорной борьбы, постоянных восстаний. Да и вряд ли можно говорить о полном подчинении Средней Азии арабам, ибо в 747 г., когда в Мерве вспыхнуло восстание Абу-Муслима, низвергнувшее омейядскую династию, подчинение Средней Азии было далеко не закончено, а с приходом к власти Аббасидов уже трудно говорить о халифате, как об арабском государстве, ибо туземная знать, в том числе и среднеазиатская, входит как равноправная составная часть в пестрый в этническом отношении, под поверхностным налетом арабской культуры, господствующий класс мусульманской империи. Впрочем история судеб Средней Азии после арабского завоевания выходит за рамки нашей статьи, относясь уже к истории среднеазиатского средневековья, хотя феодальные элементы хозяйства, как отметил уже В. В. Бартольд, получают господство не раньше XI в., когда после караханидского и особенно сельджукского завоевания широко распространяются бенефициальные формы землевладения («икта»), быстро перерастающие в законченную систему феодальных отношений.

Находки на горе Муг, являясь первоклассным источником для истории арабского завоевания, дают в то же время богатейший материал для исследования внутреннего общественного строя Согдианы VIII в. и самых разнообразных сторон ее культурной жизни. Хозяйство согдийского царя, организация сбора повинностей с населения, отношения царя с его слугами, отношения между различными политическими центрами, социальная терминология, история календаря⁴⁶, не говоря уже о богатейшем языковом материале—вот неполный перечень вопросов, получающих новое освещение в материалах документов из замка на горе Муг.

Окончательное опубликование архива Дивастича явится вкладом совершенно исключительного значения в древнюю историю Средней Азии.

Широкое развертывание археологических работ в Средней Азии позволяет не сомневаться в том, что за открытием на горе Муг в ближайшие годы последует открытие новых письменных документов, которые позволят перевести историографию древней Средней Азии на более высокую ступень, превратив ее из науки, опирающейся пока на скудные данные по преимуществу иноземных нарративных источников, в науку, базирующуюся на материале актов документов, подкрепленных всей совокупностью данных по истории материальной культуры исследуемой эпохи.

стр. 161 сл.) делается интересная попытка идентифицировать Дивастича с другим, гораздо более известным и арабским и китайским источником, согдийским деятелем эпохи арабского завоевания—Тархуном.

⁴⁵ Согдийский сборник, стр. 70—71.

⁴⁶ Ср. ч. 1 цитированной выше работы А. А. Фреймана, Согдийский календарь («Доклады группы востоковедов», стр. 133 сл.)

VI

Наш очерк был бы неполон, если бы мы не коснулись в пределах, лимитируемых задачами и размерами настоящей статьи, большой проблемы, занимавшей, как мы отмечали, в течение многих десятилетий центральное место в европейской историографии среднеазиатской античности. Речь идет о проблеме этногенеза.

Традиционная концепция этногенеза народов нашей Средней Азии, базирующаяся на этно- и глоттогонических построениях сравнительного языкознания, резко разрывает историю древних народов Средней Азии и народов средневековья и нового времени. Исключение делается лишь для таджиков, которые одни рассматриваются в качестве потомков древнего коренного населения Средней Азии. Что же касается тюркоязычных народов Средней Азии—узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков, казахов,—то они неизменно рассматриваются как потомки поздних пришельцев с востока, оттеснивших и лишь частично ассимилировавших древних «иранских» кочевников среднеазиатских степей и «иранское» оседлое население оазисов.

Так, В. В. Бартольд в своем прекрасном «Очерке истории туркменского народа»⁴⁷ начинает историю туркмен с X в. н. э.⁴⁸ Историю узбеков, как правило, начинают с XIV—XV вв. Содержательный «Очерк истории каракалпаков» П. П. Иванова⁴⁹ также не восходит дальше X в.

Этот подход, несомненно, находит свое оправдание в том, что, действительно, все отмеченные народы консолидировались как особые этнографические единства сравнительно поздно. Это, однако, в одинаковой мере относится и к таджикам, которые сложили свой язык и выделились как особый народ также лишь в средние века.

Но это положение относится в большей или меньшей мере ко всем народам средневековья и нового времени, когда крупнейшие социальные сдвиги, смешение и взаимная ассимиляция различных этнических элементов везде привели к образованию новых этнических комплексов, и по языку и по названию часто очень далеких от своих предков. Однако никому не придет в голову рассматривать историю французов в отрыве от истории Галлии и считать их, на основании их названия, пришельцами из Германии или, на основании их языка,—пришельцами из Италии. Испанцы не думают отказываться от своих иберийских предков, и англичанин вовсе не начинает своей истории с высадки англо-саксов на берега Альбиона.

Истекшее двадцатилетие и в этом вопросе наметило решительный перелом. Я имею в виду выход в 1926—1928 гг. работ проф. Л. В. Ошанина, посвященных проблеме происхождения туркмен⁵⁰. Проф. Ошанин убедительно доказывает, что преобладающий среди туркмен антропологический тип восходит к антропологическому типу древнейшего скифо-сар-

⁴⁷ Сб. «Туркмения» (изд. Академии наук СССР, Л., 1929 г.). Этот труд, а также его очерки, посвященные истории киргизов, таджиков, и лекции по истории тюрко-монгольских народов являются крупным вкладом в послеоктябрьскую историографию народов Средней Азии.

⁴⁸ Если не считать нескольких строк на стр. 7 цитированного труда, где делается попытка проследить несколько более древние исторические связи предков туркмен.

⁴⁹ Материалы по истории каракалпаков. Сборник. «Труды Института востоковедения Академии наук СССР», т. VII, М.—Л., 1935, стр. 9 сл.

⁵⁰ Л. В. Ошанин, Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Изв. Средазкомстарис, I, Ташкент, 1926, стр. 131 сл. Его же, Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изд. Средазкомстарис, III, Ташкент, 1928, стр. 85 сл.

матского населения степей Средней Азии, что, следовательно, не отрицая отдельных включений иного происхождения, в своей массе туркменский народ является автохтоном Средней Азии, а не поздним пришельцем с востока. Эта теория находит свое подтверждение и в историко-этнографическом материале. Уже Вивьен де Сен-Мартэн отметил возможность рассматривать имя крупнейшего из туркменских племен—теке, как дериват передаваемого античными источниками имени населения Южной Туркмении—дахов или даев (Dahaе, Δάου)⁵¹.

Нам уже пришлось выдвинуть положение, что имя огузов, под которым выступают туркмены в раннесредневековых источниках, представляет собой закономерный вариант древнего имени Аму-Дарьи—Окс, в форме Окуз употреблявшегося еще в XVI в., а может быть—и позднее⁵².

Имя второго по величине туркменского племени—йомудов, или точнее йомутов (yo-mut←*yor-mut), населяющих Северо-западную Туркмению, является закономерной (спирантно-шипящей) разновидностью хорошо известного имени древних восточноевропейских кочевников—сармат (√ sarmat)⁵³.

Среди туркменских племен Юго-восточной Туркмении зафиксировано небольшое племя олам или алан (Alan)—название, носимое также одним из подразделений племени салыров⁵⁴.

Туркмены-аланы, отличающиеся от окружающих салыров и эрсари рядом этнографических черт (строгая племенная эндогамия и тенденция к браку внутри рода, белая одежда, женские танцы и др.), особенно любопытны тем, что у них сохранилось предание о приходе их в места теперешнего обитания с полуострова Мангышлак, где у них якобы имелось «большое укрепление под названием Алан».

Развалины Алан-кала имеются на северо-западной окраине Хорезма, на подъеме к плоскогорью Усть-Урт.

Если мы вспомним, что китайские источники⁵⁵ упорно связывают страну Янь-цай или А-лань-я, т. е. страну аланов, с бассейном Аральского моря, то свидетельство туркменской этнонимии станет особенно существенным, подчеркивая необходимость учета аланской проблемы при разработке вопросов туркменского этногенеза.

Нельзя не отметить также попытки Аристова искать в туркменском племени сакар в бассейне Средней Аму-Дарьи осколки древних сакарауков или сакараулов, упоминаемых античными авторами в числе племен, участвовавших в завоевании греко-бактрийского царства в половине II в. до н. э.⁵⁶

Однако выяснение исторических корней туркмено-огузских племенных союзов раннего средневековья не может пройти мимо большой и сложной проблемы исторической этнографии Средней Азии и сопредельных стран—проблемы массагетов. Мы не можем останавливаться здесь подробно

⁵¹ Vivien de Saint-Martin, *Études de géographie ancienne et d' ethnographie asiatique*, Paris, 1850, t. II, стр. 267.

⁵² С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен*. «Проблемы ИДО», 1935, № 9—10, стр. 16.

⁵³ Считаю себя обязанным указать, что эта наша идентификация, бывшая предметом обсуждения при последней нашей встрече с Н. Я. Марром зимой 1934 г., получила с его стороны полное одобрение.

⁵⁴ А. Бахтиаров (Г. Карпов), *Осколки «исчезнувших» аланов*. «Туркменоведение», № 8—9, 1930, стр. 39—40.

⁵⁵ См. Цзянь Хань-шу, цзюань 96, стр. 28 и др.

⁵⁶ «Живая старина», 1899, вып. III—IV, стр. 416.

на этой проблеме, имеющей обширную литературу и требующей специального исследования. Однако нельзя не остановиться на нескольких моментах, заставляющих нас подчеркнуть особое значение массагетской проблемы для исследования этногонии туркмен. Во-первых, если принять выдвинутое еще Клапротом и поддержанное целым рядом исследователей отождествление имени массагетов античных авторов с юе-чжи китайских источников, территория древних массагетов—юе-чжи—будет почти полностью совпадать с территорией огузских племенных союзов раннего средневековья, простираясь от Каспийского моря через пустыни Средней Азии до бассейна Сыр-Дарьи и дальше, отдельными вкраплениями среди других народов до Великой китайской стены, к северо-западу от которой китайские источники констатируют после оттеснения юе-чжийцев из Монголии и Восточного Туркестана хуннами наличие остатков первых под названием «малых юе-чжи».

Имя огуз оказывается, как известно, зафиксированным для территории Монголии в орхонских текстах эпохи второго тюркского каганата (конец VII и начало VIII в. н. э.). Этот факт, служащий обычно аргументом в пользу утверждения позднейшей миграции огузов на запад, сперва в бассейн Сыр-Дарьи, а затем и на территорию Туркмении, при учете отложения имени огузов в древнейшем наименовании Аму-Дарьи и при принятии гипотезы о крупной роли массагетско-юе-чжийских элементов в формировании огузских племенных союзов раннего средневековья, может получить и новое, более вероятное объяснение. Мы можем искать его в раннем распространении массагетов, юе-чжи из Средней Азии, где они фиксируются уже в VI в. до н. э., на восток, в Монголию, где мы знаем их не ранее III в. до н. э., и в участии осколков древних массагетско-юе-чжийских объединений в формировании тюркского каганата VI—VIII вв.

В пользу этого говорит тот факт, что Птолемей (VI, 13) локализует часть массагетов на верхнем течении Сыр-Дарьи, рядом с комарами и каратами, т. е. далеко на восток от основных местобитаний массагетов.

Другой очень существенный аргумент дает анализ титула вождей огузских племенных союзов Средней Азии в X—XI вв. я б г у или д ж а б г у. Неоднократно указывалось на генетическую связь этого титула с титулом кушанских, т. е. юе-чжийских (resp. массагетских) царей, зафиксированным нумизматическими данными в форме *Javuga* (*Kušanajavugasa*)⁵⁷ и китайскими источниками в форме хи-хэу (по Шаванну, древнее чтение—уар-хеу)⁵⁸.

Уже Маркварт совершенно основательно указал на связь этого титула с чжао-ву—титулом владетельных фамилий юе-чжийского происхождения, правивших в домусульманской Согдиане.

Факт наибольшей устойчивости кушанского титула именно в туркмено-огузской среде не может не остановить на себе внимания.

Наконец, должна быть отмечена еще одна существенная историческая деталь. Туркменский фольклор, зафиксированный Абул-Гази, сохранил нам весьма интересные предания о «девушках, бывших беками огузова племени»⁵⁹.

Анализируя эту легенду, мы не можем не отметить, что именно для массагетов—юе-чжи—по античным и китайским источникам мы можем уста-

⁵⁷ J. Kennedy, *The Secret of Kanishka*, URAS, 1912, Juli, p. 668—669.

⁵⁸ E. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou*, p. 43.

⁵⁹ «Родословная туркмен», стр. 73—74.

новить наиболее позднее, по сравнению с другими племенами европейско-азиатских степей, сохранение гинекократии. По Геродоту (I, 205 сл.), во главе массагетов во время борьбы их с Киром, как мы уже видели, стояла «царица».

В отчете Чжан-цяня, в рассказе о завоевании юе-чжийцами Бактрии, мы читаем: «Так как царь (ван) Больших юе-чжи был уже убит западными варварами (хуннами), поставили «царем» его жену»⁶⁰.

Важно отметить, что и гораздо позднее мы встречаем сведения о существовании гинекократии у кочевников Арало-Каспийских степей. Византийское посольство Валентина, направлявшееся в 575 г. к правителю тюрков, в районе Аральского моря вступило в земли Аккагас—имя женщины, которая управляла этой частью скифов»⁶¹.

Массагетская Томирис, юе-чжийская женщина—ван, Аккагас—правительница приаральских «скифов» VI в. и семь девушек, «бывших беками огузов», составляют цепь, связывающую между собой массагетов, юе-чжи и огузов-туркмен. Потомки племен, сохранивших пережитки гинекократии и в V и во II вв. до н. э., когда у их соседей давно сложились патриархально-родовые отношения, потомки племен, донесших эти пережитки до VI в. н. э., естественно, сохранили в своем фольклоре наиболее яркие отголоски эпохи, когда женщины стояли во главе племенных союзов их предков.

Вся совокупность данных, которыми располагает на сегодняшний день наука, позволяет с уверенностью утверждать, что основу этнографического массива туркменского народа составляют древние дахо-массагетские и сармато-аланские племена Арало-Каспийских степей.

Эпоха тюркского каганата, охватывавшего сложными политическими связями огромную территорию от Юго-восточной Европы до Китайской стены, была эпохой особо интенсивных этнических смешений, эпохой инфильтрации в состав формирующегося туркменского народа многообразных этнических элементов, нередко генетически связанных с отдаленными территориями.

Среди имен туркменских родов мы встречаем, например, текинский род «tamıaç-bidon»—имя, которое на древнетюркском языке означает не более не менее как «китайский народ». Не менее любопытно наличие в составе племени сарыков рода tibet.

Вероятно, и то и другое имя восходит к периоду тюрко-китайских войн VI—VII вв. и активных столкновений тюрков с тибетцами на восточных границах Средней Азии в VII—VIII вв. н. э., когда на запад, в район огузских кочевий, выводились многочисленные китайские и, вероятно, тибетские военнопленные, в качестве рабов огузской аристократии сажавшиеся на землю и с течением времени, ассимилировавшись в новой среде, образовавшие новые родовые подразделения туркмен, до XX в. донесшие в своем названии память о событиях полуторатысячелетней давности.

Во всяком случае, история династии Тан сообщает нам о наличии на территории Средней Азии многочисленных поселений китайцев, уведенных в свое время тюрками в плен⁶².

Распад тюркского каганата и консолидация новых племенных союзов на территории степей Средней Азии ведут к новым внутренним перегрупп-

⁶⁰ Цянь Хань-шу, цзюань 61, стр. 2 а: «Да-юе-ши ван и вэй ху со-ша, ли ци фужень вэй ван».

⁶¹ Chavanes, Documents, p. 240.

⁶² Иакинф, Собр. свед., III, 224.

пировкам племен, к внедрению осколков распадающихся союзов в состав вновь возникающих объединений.

К половине VIII в. складываются карлукский союз в Семиречье и восточной части бассейна Сыр-Дарьи и огузский союз, с центром на нижнем течении этой реки⁶³.

Материал, характеризующий историю этого политического образования до сельджукского завоевания, собран В. В. Бартольд и останавливаться на нем мы здесь не будем. Отметим лишь, что, во-первых, огузы выступают уже в эту эпоху отнюдь не в качестве «чистых кочевников», соединяя кочевое скотоводческое хозяйство с элементами оседлости и земледелия и даже городской жизни⁶⁴, во-вторых,—политическое объединение, возглавлявшееся ягбу огузов, не представляло прочного единства, оставляя почти полную независимость входившим в его состав племенам⁶⁵.

В рамках этого слабо сколоченного объединения, между VIII и XI вв., и протекал процесс взаимодействия аборигенных дахо-массагетских и алано-сарматских элементов с самыми разнообразными этнографическими включениями, занесенными на территорию Средней Азии в период войн каганата на востоке и западе. Итогом этого процесса явилась та совокупность племен различного происхождения и сложного этнографического состава, которая зафиксирована в генеалогии Махмуда Кашгарского и последующих авторов.

Несмотря на свою внешнюю стройность, как бы фиксирующую традиционную структуру естественно выросшего племени, генеалогии Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина несут на себе печать искусственной конструкции, освящающей родословной традицией исторически сложившееся объединение племен.

Так, имя печенегов, в обеих генеалогиях являющееся именем туркменского «рода», одновременно у того же Махмуда Кашгарского является именем самостоятельной народности, а в восточных, русских и западных хрониках мы неизменно встречаемся с противопоставлением огузов и печенегов.

Следовательно, народ печенегов и огузский «род» печенегов—понятия отнюдь не тождественные, и в последнем мы должны видеть включенные в состав огузского союза группы печенежского происхождения, совершенно так же, как это мы видим в современной туркменской этнонимике.

Еще более характерным является «род» (resp. племя) кайыг (кайы), упоминаемый обеими древнейшими родословными в составе 24 «родов» огузов.

У Махмуда Кашгарского (I,30) наряду с этим это племя фигурирует в числе племен, о которых он пишет: «у каждого племени из них (особый) язык, и вместе с ним они хорошо знают тюркский».

Это свидетельство со всей определенностью говорит, что еще в XI в. в составе огузского союза были племенные группы, настолько слабо ассимилированные, что сохраняли еще язык нетюркской системы⁶⁶.

⁶³ Бартольд, Туркестан, II, стр. 206. Е го же, Очерк истории туркменского народа, стр. 14 сл.

⁶⁴ Бартольд, цит. соч., стр. 15—16.

⁶⁵ Там же, стр. 17.

⁶⁶ Текст Махмуда Кашгарского, давшего блестящую классификацию тюркских языков XI в., может быть понят только в том смысле, что «особый язык» кайыг был нетюркским языком. Каков был этот язык—пока решить невозможно. Нам думается, что нет никаких оснований вслед за Марквартом, не знавшим, впрочем, свидетельства Махмуда Кашгарского и опиравшимся на другие данные. (Ауфи и др.), приписыва-

Генеалогия Рашид ад-Дина сохраняет следы незавершившегося процесса ассимиляции огузских племен еще в XIV в. В ней отличаются от огузов в собственном смысле, но тем не менее включаются в генеалогию на правах клиентов, племена канглы, кыпчак, карлук и калач. Повидимому, и здесь мы должны, как в случае с печенегами, видеть включение в состав огузских союзов VIII—XI вв. частей больших племенных объединений, не только не входивших целиком в огузский союз, но и противостоявших ему. Следом этого является наличие рода кыпчак в составе современного туркменского племени али-или и двух родов карлык в составе племени аравахи.

Дальнейшая история туркменских племен ведет к все большему и большему углублению этого процесса перекрестной инфильтрации этнических элементов.

Туркменская этнонимика, как в зеркале, отражает многообразные включения, различными путями видоизменявшие этнографический состав туркменских племен.

Туркменские роды «татар», «мангыт», «мугол» в составе племен эрсари, йомудов и олам являются следом периода монгольского господства. Роды «узбек», «казах», «калмык», «курд» отражают позднейшие этнические взаимоотношения.

Мы остановились более подробно на проблеме этногенеза туркмен, бывшей объектом нашего специального исследования. Однако в таком же плане вопрос может и должен быть поставлен и в отношении узбеков, каракалпаков, киргизов и казахов.

Мы не будем уже говорить о том, что оседлое узбекское население Хорезма до сих пор сохранило культурные традиции своих отдаленных предков-хорезмийцев, что потомки древних обитателей сыр-дарьинских и ферганских городов-государств сейчас составляют значительную часть узбекского народа, что, наконец, древние согдийцы являются предками узбеков отнюдь не в меньшей степени, чем предками таджиков. Мы должны подчеркнуть, что и среди тех элементов узбекского народа, которые до недавнего времени сохраняли, а частью сохраняют и теперь традиции кочевого и полукочевого быта и родо-племенные деления, налицо мощный пласт, восходящий к древнейшему населению среднеазиатских степей.

Уже Аристов поставил вопрос об исторической связи большого племенного союза раннего средневековья, вошедшего в качестве родовых подразделений в состав узбекского, казахского и каракалпакского народа и носящего имя канглы, — с кангюй, образовывавшими по данным китайских хроник еще во II в. до н. э. сильное политическое объединение в бассейне Средней Сыр-Дарьи⁶⁷. Тому же автору⁶⁸ принадлежит идентификация другого племенного подразделения, наличествующего как у узбеков, так и у казахов, у й ш и н о в или у й ш у н о в — с усунями, кочевниками, фиксируемыми китайцами во II в. до н. э. и в последующие столетия — в Семиречье и вряд ли не тождественными с асианами античных авторов.

Не подлежит сомнению наличие в составе узбекского народа мощного юе-чжийско-эфталитского этнического пласта. Нельзя не отметить указа-

вать кайыг монгольское происхождение (J. M a r q u a r t, Über das Volkstum der Kommanen, S. 39 ff., 187 ff.). Нам представляется гораздо более осторожным видеть в кайыг одно из туземных племен, сохранивших еще в XI в. дотюркский строй речи.

⁶⁷ «Живая старина», 1896, в. III—IV, стр. 292.

⁶⁸ Там же, стр. 350 и 352.

ний китайских хроник на юе-чжийское происхождение правящей фамилии согдийских княжеств⁶⁹ и данные Нершахи, говорящие о наличии достаточно многочисленных кушанских, т. е. юе-чжийских, элементов в составе купеческого населения согдийских городов, в частности—Бухары⁷⁰.

Вообще, изолированное рассмотрение кочевого и оседлого населения невозможно уже для древнейших времен, к которым относятся многочисленные указания китайских хроник о роли кочевников в формировании населения среднеазиатских городов⁷¹, являющихся связующим звеном между кочевой степью и земледельческими оазисами.

В этой же связи вопрос об исторических корнях тюркоязычия оседлого населения той части Средней Азии, которая явилась территориальной базой формирования узбекского народа, не может решаться так просто, как это имеет место у очень многих авторов, рисующих тюркизацию населения оазисов Узбекистана, как очень поздний процесс.

Не отрицая, конечно, фактов поздней узбекизации таджикского населения некоторых районов, частью и до сих пор двуязычных, мы, тем не менее, должны рассматривать самый процесс выработки тюркских языков Средней Азии в плане длительной, уходящей далеко в дохристианскую эру исторической взаимосвязи разноплеменного оседлого и кочевого (скифо-массагетского) населения степей и оазисов бассейна Окса и Яксарта.

Уже Нельдеке и Гудшмит отмечали наличие среди дошедших до нас обломков сакской, массагетской и парфянской речи элементов, находящихся свои наиболее близкие параллели в тюркских языках.

Путь к решению проблем этногонии Средней Азии намечен Н. Я. Марром как в его многочисленных работах по скифскому вопросу, так и в его исследованиях, посвященных происхождению тюркских языков и убедительно показавших глубокие связи тюркских языков с древними языками Средиземноморья. Эти последние работы, как и установление близости вершикского или буришского языка южных склонов Гиндукуша с яфетическими языками Кавказа, равно как и прослеживание распространения яфетических элементов далеко на северо-восток, вплоть до обнаружения их в речи енисейских палеоазиатов—кетов⁷², позволяют поставить вопрос о яфетической стадии в развитии языков как оседлого, так и кочевого населения Средней Азии. Нельзя не отметить также установления Н. Я. Марром близости к яфетическим языкам одного из древнеписьменных языков Восточного Туркестана⁷³, так же, как неоднократно отмечавшихся черт сходства между тохарским языком древних документов, открытых в Восточном Туркестане, и хеттским языком и языками Кавказа⁷⁴.

Тюркские и индоевропейские элементы в языках народов Средней Азии могут оказаться в одинаковой степени результатом исторической трансформации древних яфетических языков, причем тюркская речь, в осталь-

⁶⁹ Chavannes, цит. соч., стр. 10, 26, 133 сл. и др.

⁷⁰ Description topographique et historique de Boukhara par M. Nerchakhy. Publié par Ch. Schefer, Paris, 1892, стр. 49.

⁷¹ Ср., например, Иакинф, Собр. свед., III, стр. 223 сл.

⁷² Н. Я. Марр, От шумеров и хеттов к палеоазиатам. ДАН, 1926, ноябрь—декабрь, стр. 135.

⁷³ Н. Я. Марр, Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории). ДАН, 1926, ноябрь—декабрь, стр. 133 сл.

⁷⁴ Hüsing, Völkerschichten in Iran. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. XLVI, 1916; J. Strzygowski, Altai-Iran und Völkerwanderung, Leipzig, 1917; E. Meyer, Geschichte der Altertums, I, 2, 1909, 808; В. В. Бартольд, Восточноиранский вопрос. «ИРАИМК», II, 1922, стр. 364.

ном не менее далеко, чем индоевропейская, отошедшая от исходных форм, сохранила в своем агглютинирующем строе большее количество грамматических элементов первобытных племенных языков, предшествовавших образованию как индоевропейской, так и тюркской систем.

Ключ к вопросу о причинах этого факта—в тех более широких возможностях межплеменной коммуникации, которые дает агглютинирующий строй по сравнению с флективным, в чем мы каждый день убеждаемся на практике, наблюдая быстрое усвоение тюркской речи любой иноязычной средой, при крайней затруднительности обратного процесса.

В условиях обширных кочевых империй III в. до н. э.—VIII в. н. э., являвшихся многоязычными конгломератами разнообразных племен, это направление развития было наиболее естественным. В естественно слагающихся межплеменных аргос этих империй мы и должны искать зародыши тюркской системы, творчески переработавшей разнообразный лингвистический материал. Поэтому вряд ли не бесплодны споры о принадлежности, например, термина *х а т у н*—титул согдийских и тюркских цариц—к тюркской или иранской языковой системе. Этот термин—лишь одно из многочисленных свидетельств о том, что в основу тюркских и индоевропейских языков Средней Азии легли одни и те же доисторические яфетические языки; но процесс скрещения и трансформации их пошел различными путями у обитателей горных долин Таджикистана и в тех областях, где древняя неразрывная связь между оседлым и кочевым населением способствовала выработке на их основе более архаической по своему строю, но более приспособленной к изменчивому общественному быту подвижных племен степей тюркской речи узбеков, туркмен, каракалпаков, киргизов и казахов.

Марксистская разработка вопросов этногонии народов Средней Азии еще целиком впереди. Эти вопросы лишь мимоходом затронуты Н. Я. Марром. Однако уже того, что мы знаем сейчас, достаточно, чтобы отвергнуть раз и навсегда традиционный разрыв между историей древних народов Средней Азии, имена которых сходят с исторической арены к началу средневековья, и современными среднеазиатскими народами, якобы поздними пришельцами на своей родине, чуждыми якобы древним культурным традициям великого Среднеазиатского Двуречья.

История согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, массагетов, даев, саков, усуней, эфталитов, тюрков древней Средней Азии—это история прямых предков народов цветущих республик Советского Востока, народов, показавших на деле, что в их лице мир имеет достойных потомков создателей блестящей культуры среднеазиатской античности.

